

УДК 904/811.512

**Письмо Б. Шпулера
и О. Прицака к казанским
историкам-тюркологам
по проблемам языка
эпиграфических
памятников Поволжья
XIII-XIV вв.**

Х. М. Абдуллин, И. Л. Измайлов,

*Институт археологии
им. А. Х. Халикова АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**A letter of B. Spuler
and O. Pritsak to Kazan
Turkologist historians on
problems of the language
of the Volga region
epigraphic monuments of the
13th – 14th centuries**

Kh. M. Abdullin, I. L. Izmaylov,

*A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology,
the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В научном фонде Музея археологии РТ Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан хранится дело, содержащее материалы переписки профессора Гамбургского университета Бернарда Шпулера и его аспиранта Омельяна Прицака с казанскими историками по поводу эпиграфических памятников XIII-XIV вв. с территории Среднего Поволжья. В ней затрагиваются ключевые вопросы, которые и в дальнейшем станут объектом споров и определенных терминологических разночтений, влияющих на понимание не только лингвистической, но и в целом этнокультурной и этнополитической ситуации в Среднем Поволжье. Вопросы и ответы, которые сохранила эта экспресс-дискуссия, показывают, насколько ограничены были возможности советских ученых из национальных республик в осуществлении контактов со своими западными коллегами.

Abstract

The Science Fund of the Museum of Archaeology of A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan keeps a file containing materials of correspondence of a professor of Hamburg University Bernard Spuler and his postgraduate student Omeljan Pritsak with Kazan historians in regard to the epigraphic monuments of the 13th – 14th centuries from the territory of the Middle Volga region. It contains key issues which in the future would become a subject of disputes and certain terminological discrepancies influencing the comprehension of not only linguistic but also the ethnocultural and ethnopolitical situations in the Middle Volga region as a whole. The questions and answers presented in this express discussion show how limited were the opportunities of the Soviet scholars from national republics to get in contact with their western colleagues.

Ключевые слова

Б. Шпулер, О. Прицак, Н. Ф. Калинин, казанская школа археологии и тюркологии, тюркология, международные научные связи, научная

кооперация, эпиграфические памятники, татарская эпиграфика XIII-XIV вв., средневековое Поволжье, Булгарский улус, Золотая Орда.

Keywords

B. Spuler, O. Pritsak, N.F. Kalinin, Kazan School of Archaeology and Turkology, Turkology, international scientific ties, scientific collaboration, epigraphic monuments, Tatar epigraphies of the 13th – 14th centuries, the Middle Volga region, the Bulgar Ulus, the Golden Horde.

В научном фонде Музея археологии РТ Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан хранится дело¹, содержащее материалы переписки профессора Гамбургского университета Бернарда Шпулера² и его аспиранта Омеляна Прицака³ с казанскими историками по поводу эпиграфических памятников XIII-XIV вв. с территории Среднего Поволжья. В ней затрагиваются ключевые вопросы, которые и в дальнейшем станут объектом споров и определенных терминологических разночтений, влияющих на понимание не только лингвистической, но и в целом этнокультурной и этнополитической ситуации в Среднем Поволжье. Вопросы и ответы, которые сохранила эта экспресс-дискуссия, довольно показательны.

Эта переписка представляет определенный интерес как с точки зрения изучения научных связей между европейскими и советскими учеными, так и понимания возникающих на этом пути препятствий.

Материалы дела состоят из 15 листов и содержат перевод письма Б. Шпулера и О. Прицака, сопроводительное письмо начальника Иностранного отдела Академии наук СССР С. Г. Корнеева⁴, несколько вариантов ответа на данное письмо, включая рукописный первоначальный вариант, а также окончательный вариант и копию, направленную в Академию наук, сопроводительное письмо заместителя Председателя Президиума Казанского филиала Академии наук СССР профессора Л. М. Миропольского⁵. Кроме рукописного варианта ответа, все остальные материалы представляют собой третьи или даже четвертые машинописные копии. Но все они хорошо читаемы и понятны. При публикации сохранены стиль писем и написание, присущее документам.

Первое письмо, адресованное «профессору Юсупову», датировано 9 августа 1955 г., оно пришло из Гамбургского университета за подписью Б. Шпулера и О. Прицака. Очевидно, что письмо было напечатано на бланке, из которого в его копию, находящуюся в деле, были переписаны от руки только выходные данные: слева – Universitat Hamburg. Seminar fur Geschichte und Kultur des Vorderen Orients (Университет Гамбурга. Семинар по изучению истории и культуры Переднего Востока), а справа – адрес университета и дата написания. В деле хранится только перевод письма, присланный в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Сам оригинал, очевидно, хранится в делах международного отдела АН СССР.

Авторы письма, обращаясь к «профессору Г. В. Юсупову», уведомляли: «доцент нашего института д-р О. Притсак (так в документе. – Авт.) работает над болгарскими надписями XIII-XIV вв. Ему удалось м[ежду] пр[очим] прочесть несколько фраз, писанных на «втором болгарском» языке, которые до сих пор не поддавались дешифровке, и он готовит сводную работу о надписях».

Они формулируют вопросы к Академии наук СССР: «В связи с этим, мы просили Академию Наук СССР прислать нам несколько работ (или микрофильмы), которые

Universität Hamburg
Seminar für Geschichte und Kultur
des Vorderen Orients
г. Казань
Филиал Академии Наук СССР
Профессору Г.В. Мухомову
Многоуважаемый Господин Профессор,
доцент нашего института д-р О. Прицак работает над болгарскими надписями 13-14 вв. Ему удалось и.пр. прочесть несколько фраз, писанных на "татарском болгарском" языке, которые до сих пор не поддавались дешифровке, и он готовит сводную работу о надписях.
В связи с этим мы просили Академию Наук СССР прислать нам несколько работ /или микрофильмы/, которые не имеются в Германии /в первую очередь Сборник Происхождение Волжских Татар, Казань 1948/.
Кроме того доцент д-р Прицак просил меня обратиться к Вам, как к лучшему знатоку болгарской и татарской эпиграфики с просьбой, подать ему следующие информации:
1. Проф. А. П. Смирнов пишет в своей работе "Волжские Булгары", Москва 1951, 57, что в Чимшах в Уфимском районе был "найден камень с арабской надписью, гласящей, что здесь покоится Хусейн Бек, сын Измера Бека, 444 г. Хиджры /1052/. К сожалению он не подает где эта надпись издана. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы могли прислать нам фотографию /или микрофильм/ этой надписи.
2. Были ли где-нибудь изданы тексты копий надписей, сделанные П. А. Пономаревым, которыми пользовался И. Ф. Готвальд для своих переводов (ср. Изв. ОАИЭ, 10, 482, II, 336; 12, 76). Можно было бы получить микрофильмы /или фотокопии этих надписей?/
3. В "Советской Этнографии", 1946, кн. 3, на стр. 150 имеется и.пр. "Заметки И. Ф. Калинин приводит подробные данные об эпиграфических памятниках конца 13-14 вв. /75 шт./..., обследованных археологически

Man burg.
8-го августа 1955г.
Grindelhof
Ternspiesch 44/1071
app. 755
эпиграфическим Казанского института. Демонстрируя ряд снимков..."
Где были изданы эти надписи? Можно ли было бы тоже получить их микрофильмы или фотокопии?
4. Для моей личной ориентации я /д-р П./ составил каталог надписей и их подробную библиографию. Не располагая - к сожалению - нужными материалами более, что он очень неполный. Можно мне послать Вам копию этого каталога для просмотра и éventуальных дополнений?
Что известно на счет издания Corpus Inscriptionum Bulgaricarum?
Ожидая Вашего скорого ответа остаюсь с глубоким почтением
проф. д-р Б. Шпулер
Директор П.И. д-р О. Прицак

Письмо Б. Шпулера и О. Прицака. 9 августа 1955 г. Научный фонд музея археологии РТ Института археологии АН РТ, ф. 5, оп. 24, д. 125, № 633, л. 8-8 об.

A letter of B. Spuler and O. Pritsak. August 9, 1955. Science Fund of the Museum of Archaeology of the Institute of Archaeology, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, fond 5, series 24, file 125, no. 633, p. 8-8 rev.

не имеются в Германии (в первую очередь сборник «Происхождение волжских татар», Казань, 1948)». Далее они излагают более специальные и профессиональные вопросы к советским коллегам:

«Кроме того, доцент д-р Прицак просил меня обратиться к Вам, как к лучшему знатоку болгарской и татарской эпиграфики с просьбой, подать ему следующую информацию:

1. Проф[ессор] А. П. Смирнов пишет в своей работе "Волжские булгары", Москва, 1951, 1957, что в Чимшах в Уфимском районе был "найден камень с арабской надписью, гласящей, что здесь покоится Хусейн Бек, сын Измера Бека, 444 г. Хиджры (1052)". К сожалению, он не подает, где эта надпись издана. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы могли прислать нам фотографию (или микрофильм) этой надписи.

2. Были ли где-нибудь изданы тексты копий надписей, сделанные П. А. Пономаревым, которыми пользовался И. Ф. Готвальд для своих переводов (ср. Изв. ОАИЭ, 10, 482, II, 336; 12, 76). Можно было бы получить микрофильмы (или фотокопии этих надписей?).

3. В “Советской Этнографии”, 1946, кн. 3, на стр. 150 пишется м[ежду] пр[очим]: “Затем Н. Ф. Калинин приводит подробные данные об эпиграфических памятниках конца XIII-XIV вв. (75 шт.), обследованных археологическими экспедициями Казанского института. Демонстрируя ряд снимков...” Где были изданы эти надписи? Можно ли было бы тоже получить их – микрофильмы или фотокопии?».

Интересны детали, которые сообщают авторы письма, говоря об организации исследований по данной теме. О. Прицак писал: «Для моей личной ориентации я (д[окто]р П[рицак]) составил каталог надписей и их подробную библиографию. Не располагая, к сожалению, нужными материалами, боюсь, что он очень неполный. Можно мне послать Вам копию этого каталога для просмотра и эвентуальных дополнений?».

В конце он фактически предлагал не просто научную координацию, а совместную большую работу: «Что думаете насчет издания *Corpus Inscriptionum Bulgaricorum*?» Опыт подобных сводов памятников в европейской науке был к тому времени огромен – от знаменитого свода арабских историко-географических трактатов «*Bibliotheca Geographorum Arabicorum*» и корпуса сведений по истории Византии «*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*» до издававшейся тогда серии трудов Г. Моравчика «*Byzantinoturcica*»⁶. По сути дела, речь шла о работе, которая могла опередить свое время, заложить основы исследования, объединяющего европейские тюркологические традиции и материалы татарских эпиграфических памятников.

В этом письме поставлены два важных вопроса. Первый – о том, чем являлись языковые особенности, выявленные на ряде поволжских эпиграфических памятников XIII-XIV вв. – диалектом единого болгарского языка, либо отдель-

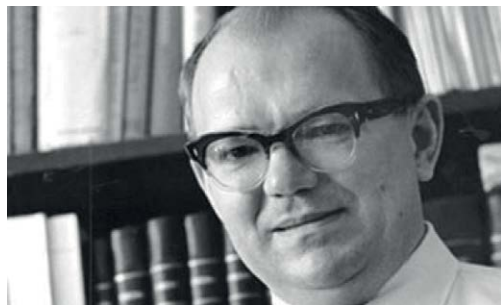
ным языком. Вторая точка зрения в середине XX в. была далеко не нова и впервые была высказана и обоснована еще в трудах Х. Фейзханова⁷. Вполне очевидно, Б. Шпулер пытался сказать, что О. Прицак, также представлявший это направление в тюркологии, предложил свое прочтение нескольких надписей и выявил их некоторые языковые особенности, ускользавшие от внимания других тюркологов. Поэтому он и пытался узнать у казанских коллег, насколько они продвинулись в своих тюркологических исследованиях, согласовать свое понимание языковых процессов в средневековом Поволжье с мнением по этому поводу советских тюркологов.

Второй вопрос касается публикации свода всех болгарских эпиграфических надписей. Из письма видно, с какими трудами приходилось зарубежным тюркологам добывать сведения о памятниках эпиграфики, черпая их из разнородных, отрывочных и часто случайных источников. Очевидно, О. Прицак

Б. Шпулер.
B. Spuler.

прекрасно осознавал, что изучение лингвистических особенностей поволжских эпиграфических памятников по плохим фотографиям из дореволюционных и советских изданий, не очень продуктивно. Именно этим вызваны его просьбы, переданные через Б. Шпулера, прислать фотографии или микрофильмы новых или хорошо снятых старых объектов, о которых он узнал из трудов П. А. Пономарева и И. Ф. Готвальда⁸. При этом он обещает прислать свой вариант каталога, снабженный соответствующей библиографией. Поскольку в нашей стране подобного каталога еще не было, но над ним активно работали Н. Ф. Калинин⁹ и Г. В. Юсупов¹⁰, подобная научная кооперация могла бы помочь в ускорении разработки свода эпиграфических памятников XIII-XV вв.

О. И. Прицак.

O. I. Pritsak.

К сожалению, должного понимания эта инициатива не встретила. И проблема была не в косности или нежелании сотрудничать с западными коллегами. Археолог и эпиграфист старой школы с гимназическим образованием Н. Ф. Калинин прекрасно понимал необходимость координации усилий различных научных школ и направлений. Но его возможности контактировать с зарубежными коллегами были весьма ограничены.

В этой переписке как в капле воды отразились все сложности взаимного общения, возникавшие как у зарубежных гуманитариев, так и у их советских коллег. Они были не столько в разных подходах к теме, хотя и это было – слишком разные сформировались в 1930-1940-е гг. научные школы, – сколько в том, что общение не было прямым, а велось через целый ряд инстанций. Формально вся переписка проходила через аппарат Академии наук СССР. Однако следует иметь в виду, что ее иностранный отдел работал в ней только формально, а в действительности был подотчетен органам государственной безопасности (в 1955 г. – Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР). Само прохождение этого письма по инстанциям показывает, как осуществлялись контроль и цензура над международной перепиской в советской Академии наук.

За деловым «бумагооборотом», если такое канцелярское определение уместно для описания переписки между учеными, видны сложности, которые испытывали советские исследователи, вынужденные общаться со своими зарубежными коллегами через чекистов из иностранного отдела Академии наук. Проблема не только в медлительности подобного способа обмена информацией, но и в том, что она не оставляла для советских исследователей свободы высказывать свои мысли, обсуждать детали проблемы и строить гипотезы. Сухой канцелярский стиль и контроль над перепиской со стороны руководства института, визировавшего все бумаги и, следовательно, отвечавшего за их благонадежность, не позволяла писать ничего, кроме казенных и идеологически выверенных фраз. Высшей инстанцией, санкционировавшей контакт с зарубежными специалистами, являлся иностранный отдел, определявший тон и стиль писем, а также частоту и интенсивность контактов. В данном случае мы можем точно сказать, что эти контакты не вылились ни во что существенное.

Они явно мало помогли зарубежным тюркологам и не позволили отечественным специалистам переосмыслить затронутые в письме вопросы.

Завязать научный диалог, полемику мешали не только языковые проблемы или препоны, создаваемые органами безопасности. Самая существенная проблема заключалась в том, что ученые не просто говорили на разных языках (имеется в виду не немецкий, которым Н. Ф. Калинин, как выпускник досоветской гимназии владел, очевидно, в достаточной мере, а язык науки). Они мыслили в разных научных парадигмах. И данная переписка отчетливо это показывает.

Очевидно, письмо поступило в систему Академии наук, где было переведено в иностранном отделе. В Казань 23 августа 1955 г. оно было направлено на имя Председателя Президиума Казанского филиала АН СССР академика А. Е. Арбузова¹¹. В деле сохранилась вторая или даже третья копия этого письма – без подписи, а первый экземпляр на бланке Академии наук, очевидно, был возвращен обратно вместе с ответом. Не исключено, что на первом экземпляре письма были подписи согласования документа, которые, как материалы «для служебного пользования», в сохранившуюся в деле копию письма не попали. Письмо было подписано начальником иностранного отдела Академии наук СССР С. Г. Корнеевым.

Ответ не был подготовлен сразу же по получении письма, поскольку Н. Ф. Калинина не было в Казани. Он в это время выезжал в археологические экспедиции, а Г. В. Юсупов после защиты кандидатской диссертации был вынужден направиться на работу в Уфу, в Башкирский институт языка, литературы и истории БФАН СССР. Потому, очевидно, это письмо стало предметом обсуждения лишь спустя почти месяц со дня его получения в Казани. Сначала был набросан предварительный текст, который, судя по почерку, был составлен Н. Ф. Калининным.

В нем он подчеркнул, что работа над эпитафийными памятниками ведется, и Институт языка, литературы и истории КФАН СССР «имеет в своем плане издание болгарских и казанско-татарских надписей XIII–XVII вв.». Всего, по данным этого письма, для первого издания было собрано около 100 надписей, которые были уже прочитаны некоей «эпиграфической комиссией» и «подготовлены» – очевидно, к изданию. Из ответа же следует, что готовящаяся публикация «*Corpus inscriptionum bulgaricarum et tataricarum*» должна стать первым томом целой библиотеки по этой теме.

Далее он сообщает, что работы Г. В. Юсупова, вышедшие в ежегоднике «Эпиграфика Востока», являются частью его кандидатской диссертации. Соответственно, между строк читалось: руководство института не в праве распоряжаться текстами будущей диссертации автора, высылать их зарубежным ученым, работающим по той же тематике, а потому предлагает дожидаться публикации, автореферат которой любезно направляет.

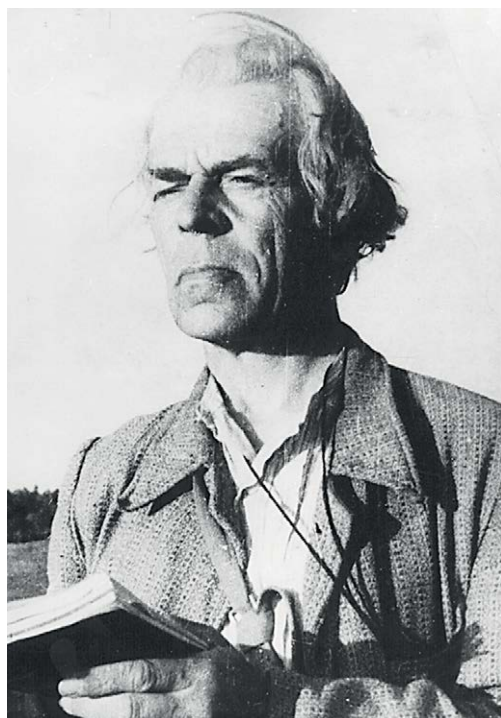
Примерно таким же был ответ на вопрос о месте издания надписи, найденной А. П. Смирновым¹² в Чишминском районе Башкирской АССР, и возможности переслать ее фотографию или микрофильм статьи. Авторы, снимая с себя ответственность, сообщают, что «запросили проф[ессора] А. П. Смирнова» и он «обещал выслать ответ в сентябре месяце». Интересно, что в первоначальном тексте было указано более конкретно – «в начале сентября». Видимо, Н. Ф. Калинин, посетив А. П. Смирнова на раскопках Болгарского городища, передал ему просьбу авторов письма, и тот ответил, что сможет помочь по приезду из экспедиции. Но при редактировании письма эта определенная фраза была подправлена на более размытую «в сентябре месяце». Тем самым авторы письма – директор ИЯЛИ КФАН СССР

М. К. Мухарямов и руководитель археологической группы Н. Ф. Калинин – сняли с себя ответственность за сроки ответа А. П. Смирнова, дав понять, что он может задержаться.

По существу вопросов, осторожно поставленных в письме, Н. Ф. Калинин дает вполне внятные и определенные ответы. Главным теоретико-методологическим противоречием между школами казанской и европейской тюркологии было понимание сути зафиксированных в эпитафиях с территории Волго-Уральского региона языковых явлений. О. Прицак, как и многие другие современные тюркологи, вслед за Н. Ашмариным¹³, считал, что эти памятники отражают существование двух языков: р-языка (предка чувашского) и з-языка (кыпчакского или старотатарского). Н. Ф. Калинин из письма это понял. Потому в ответе Института прямо пишет: «Булгарский язык мы считаем одним»¹⁴, поэтому не понимаем выражение вашего письма: «второй болгарский язык». Булгарский язык проявляется в эпиграфике одновременно в двух диалектах и, обычно, в двух стилях, но он единый и является основой современного казанско-татарского языка, в котором тоже имеются диалекты»¹⁵.

Очевидно, это ключевая фраза письма и самый содержательный отрывок из него. За ним стоит целая история научных дискуссий и идеологических ограничений. Проблема в том, что это была целая научная парадигма, развивавшаяся в советской казанской тюркологии и являющаяся отправной точкой для формирования булгаро-татарской концепции истории татарского народа¹⁶.

Данную точку зрения сам Н. Ф. Калинин высказывал (за десяток лет до описываемых событий) в своем выступлении на сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной происхождению татарского народа, состоявшейся 25-26 апреля 1946 г.

Н. Ф. Калинин.

N. F. Kalinin.

Г. В. Юсупов.

G. V. Yusupov.

Он подчеркивал, что эпиграфические памятники фиксируют не два разных языка, а один, но с двумя разными «стилями оформления». При этом, в виде гипотезы, подтверждающей это утверждение, он высказывал предположение, что «богато оформленные каменные плиты с каллиграфическим шрифтом, с текстами на арабском языке и со словами, родственными казанско-татарскому языку, принадлежали... верхушке болгарского феодального общества,.. в значительной степени арабизированного и пользовавшегося литературным языком того времени, каковым для Нижнего и Среднего Поволжья XIII-XIV века может считаться тюрко-кипчакский язык с сильными элементами арабизма»¹⁷. Эпитафии «второго стиля» с «чувашизмами» и упрощенной куфической традиционной графикой, он связывал с «остальным населением болгарского государства» – «купцами, ремесленниками, менее знатными феодалами»¹⁸.

В общих чертах такую же точку зрения отстаивали, с некоторыми оговорками, казанские тюркологи, считавшие, что болгарский язык, представленный текстами эпитафий, представлял раннюю стадию развития современного татарского языка¹⁹.

Подобная точка зрения утверждалась в научном сообществе не в результате дискуссии, а устанавливалась авторитетными учеными, которые, как нам видится, сверяли свои взгляды с последними указаниями партии и правительства. В данном случае, единственной указующей директивой были Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» и последовавшее за ним Постановление Татарского обкома ВКП(б) от 6 октября 1944 г., где были сформулированы задачи для историков.

В нем было категорически указано, что «Грубейшей ошибкой института (имеется в виду ИЯЛИ КФАН СССР. – *Авт.*) является полное отождествление истории Золотой Орды с историей современного татарского народа». При этом бюро обкома подчеркнуло: «ошибки института, выразившиеся в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа... являются националистическими ошибками и направлены против укрепления дружбы между русским и татарским народами»²⁰. Поскольку период Золотой Орды подлежал полному исключению из прошлого татарского народа, то его место должно было занять Булгарское государство, а болгарский период предлагалось сделать приоритетным в изучении истории татар. В соответствии с этим, гуманитарии начали подгонять свои материалы под прокрустово ложе партийных указаний. Фокус интересов относительно этнической истории, у историков, археологов и лингвистов сместился на болгарский период, который с этого времени стал центральным и поворотным моментом татарской истории²¹.

Относительно истории языка это имело те же практические последствия. С этого времени именно болгарский язык был признан субстратной основой языка современных татар, а различные языковые явления, которые не вписывались в эту лингвистическую теорию, либо игнорировались, либо объявлялись диалектами, не имевшими серьезного значения для генерального развития татарского языка. Игнорировалось, в частности, то, что в количественном отношении эпитафий с «диалектными» особенностями (язык р-типа) для первой половины XIV в. было гораздо больше, чем с нормативным языком кипчакского типа (з-язык). Попытки объяснить эти диалектные различия и стили оформления надгробных камней социальным статусом умерших видятся нам сомнительными, поскольку никаких

подобных социально-языковых различий при детальном анализе большой совокупности памятников исследователям выявить не удалось²².

Истинность этой гипотезы утверждалась, как говорилось выше, не в ходе научной дискуссии, а директивно. «Научная» сессия являлась, на наш взгляд, только внешним антуражем, призванным придать флер учености партийным директивам о том, как следует понимать узкоспециальную проблему в свете руководящих указаний ЦК ВКП(б). Этим и занимались гуманитарии, собравшиеся на сессии в отделении истории и философии АН СССР в апреле 1946 г. С этого момента выработанная концепция происхождения татарского народа и его языка приобрела статус не только главенствующей, но и единственно верной.

Ко времени этой переписки тюрколог Г. В. Юсупов, собравший и проанализировавший значительный комплекс эпиграфических памятников, уже завершил свою кандидатскую диссертацию, которая позднее была издана в качестве монографии²³. В целом, автор следовал общей концепции, утвержденной на сессии по происхождению татарского народа в 1946 г. Основным языком населения Булгарии и Среднего Поволжья периода Золотой Орды им объявлялся з-язык (поволжский тюрки), а другие языки – его диалектами.

С теорией единства болгарского языка с некоторыми диалектами, ставшего в дальнейшем современным татарским языком, произошло то же, что и со всеми подобными теориями. Единственно верная и не требовавшая доказательств в 40-е гг. XX в., она при соприкосновении с современными научными теориями и конкретным лингвистическим материалом стала рассыпаться. Уже в конце 1970-х гг. она была поставлена под сомнение, на основе новых исследований комплекса материалов в соответствии с современными методиками анализа языковых явлений²⁴.

Но на момент рассматриваемой переписки у сторон не только не было поля и научного аппарата для дискуссии, но и сам научный процесс виделся ими совершенно по-разному. Фраза Н. Ф. Калинина «Булгарский язык мы считаем одним, поэтому не понимаем выражение вашего письма: “второй болгарский язык”» – не просто фигура речи. Он действительно, не понимал сути проблемы. Почвы для диспута просто не было, поскольку авторы писем существовали в разных научных реалиях. С одной стороны – стремление к утверждению истины посредством открытой дискуссии, с другой – следование утвержденным штампам, не подлежащими обсуждению.

Иными словами, в данном случае мы видим проблемы советской науки – ее закрытость для полноценных контактов с мировой наукой и научных дискуссий. Если для естественнонаучных дисциплин подобный контакт был возможен, в силу универсальности и унифицированности языка науки (за исключением некоторых идеологизированных направлений, таких как генетика или кибернетика), то для гуманитариев он был своего рода культурным шоком. Страна еще не отошла от кошмара идеологических репрессий, и попытка немецкой школы тюркологии завязать диалог натолкнулась на настороженность и непонимание.

Переписка, пусть и весьма краткая, полезна для более полного понимания принципов функционирования самой системы гуманитарных наук в СССР. Эти принципы более выпукло проявились на приведенном примере контакта с западными учеными.

Данная переписка не привела к установлению прочных научных контактов с западными учеными по данному направлению, что, безусловно, означало упущенную возможность совместных исследований. Между тем, О. Прицак написал и издал

серьезный научный труд по болгарскому языку²⁵, став зачинателем современного изучения этой проблемы на новом материале. В дальнейшем он стал одним из ведущих западных тюркологов, преподавал в ведущих вузах Европы и США, включая Гарвард, где позднее основал Институт украинских исследований, издавал журналы по тюркской истории и лингвистике.

Как видим, его неудачная попытка расширить источниковедческие возможности тюркологии за счет новых материалов из Татарстана, не стала препятствием для написания серьезной научной работы, но, вероятно, повлияла на ее выводы, утвердившиеся в мировой тюркологии.

Попытки, предпринятые татарскими тюркологами в последние десятилетия XX в. и позднее, пока не привели к утверждению в качестве общепринятой теории о том, что в эпитафийных памятниках мы имеем дело с двумя разными языками, наименование одного из которых «болгарским» или «прачувашским» лишь затрудняет понимание языковых процессов на территории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья. Нельзя исключить возможности, что активные связи и контакты, завязавшиеся они еще тогда в 1955 г., могли бы повлиять на формирование этих представлений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Переписка института с профессором Гамбургского университета Б. Шпулером и доцентом О. Притсак по вопросу Булгарских надписей XIII-XIV вв. (сентябрь 1955 г.) (см.: Музей археологии РТ Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, ф. 5, оп. 24, д. 125, № 633; Путеводитель по Научному фонду Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ / Отв. ред. Х. М. Абдуллин. – Казань: Изд-во «Яз»; Институт истории АН РТ, 2011. – С. 84).
2. Шпулер Бертольд (1911-1990) – историк, востоковед. Окончил гуманитарную гимназию им. Бисмарка (1930), учился в Гейдельбергском (1931-1932), Гамбургском (1932), Мюнхенском (1933), Бреслауском (1933-1935) университетах. В 1938 г. защитил докторскую диссертацию «Монголы и Иране». В 1945-1948 гг. заведующий кафедрой ориенталистики в Геттингенском, в 1948-1980 гг. – в Гамбургском университетах. Автор трудов: *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220-1350.* – Hinrichs, Leipzig, 1939; *Idel-Ural. Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural.* – O. Stollberg, Berlin, 1942; *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rutland. 1223-1502.* – Leipzig, 1943. (2 изд. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965). Рус. пер.: *Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223-1502 гг.* / Пер. с немец. яз. и коммент. М. С. Гатина. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
3. Прицак Омелян Иосифович (1919-2006) – американский историк-востоковед, профессор-эмерит Гарвардского университета, основатель и первый директор (1973-1989) Гарвардского Института украинских исследований, заграничный член Национальной Академии наук Украины (НАНУ), основатель, первый директор (1991-1998) и почетный директор (1998-2006) Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины. Продолжатель традиции украинской национальной школы М. Грушевского. Ученик А. Крымского. Действительный член Турецкой академии языка, Национальной академии наук и искусств США, Латвийской академии, Иностранный член НАНУ (с 1990 г.). Основной областью его исследований являлись язык и история тюркских народов Евразии – волжских болгар, дунайских болгар, хазар, печенегов, кыпчаков, а также ранний период Древнерусского государства, изучение восточных источников, касающихся его истории. Ав-

тор трудов: Die bulgarische Furstenliste und die Sprache der Protobulgaren (Ural-Altaische Bibliothek. 1). – Wiesbaden, 1955; The origin of Rus'. Cambridge, Mass.: Distributed by Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 1981; Studies in medieval Eurasian history London: Variorum Reprints, 1981; On the writing of history in Kievan Rus. Cambridge, Mass.: Ukrainian Studies Fund, Harvard Univ., 1980; Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. / Науч. ред., послесловие и коммент. В.Я. Петрухина. – Москва, Иерусалим: Гешарим, 1997. О нем см.: Домбровский О. Памяти Омеляна Прицака (Спогади) // Український історик. – 2006. – Т. XLIII, 1-3. – С. 228-237; Flier M.S. Omeljan Pritsak 7 April 1919 – 29 May 2006 // Harvard Ukrainian Studies. – 2004-2005. – Vol. 27. – № 1/4. – P. 11-12.

4. Корнеев Степан Гаврилович (1912-2003) – заместитель заведующего Международным отделом ВЦСПС, начальник Управления внешних сношений АН СССР. Полковник КГБ СССР. Автор монографий: Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки. – М.: Наука, 1976; Советские ученые – почетные члены научных организаций зарубежных стран. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1990. Один из составителей много томного труда Н.И. Вавилов. Научное наследие в письмах: Международная переписка. Т. I-VI. – М.: Наука, 1994-2003.

5. Миропольский Леонид Михайлович (1896-1965) – геолог, доктор геолого-минералогических наук (1936), профессор (1934), заслуженный деятель науки и техники ТАССР, РСФСР (1945, 1947). Окончил Казанский университет (1919), работал там же, директор Геолого-минералогического института (1931), заведующий кафедрой минералогии и петрографии (1931-1965), проректор (1944-1946). С 1945 г. в Казанском филиале АН СССР: директор Геологического института (1945-1964), заместитель председателя президиума (1945-1949). Труды по минералогии, литологии, геохимии минералов, горных пород и полезных ископаемых Урало-Поволжья.

6. Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd.I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. XXIX, 609 s.; Bd. II. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. XXV, 376 s. – Berlin, 1958.

7. Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // Известия археологического общества. – 1863. – Т. IV. – С. 396-404; Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1902. – 123 с.; Gombocz L. Die bulgarish-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. – 1912. – XXX. – 251 s.

8. Готвальд Иосиф Федорович (1813-1897) – известный ориенталист, профессор арабского и персидского языков. Окончил Бреславский университет (1836). С 1838 г. в России. Работал в Императорской публичной библиотеке (1841-1849), участвовал в трудах учрежденного при втором отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии комитета для составления свода мусульманских узаконений (1846-1849). С 1849 г. ординарный профессор арабского и персидского языков Казанского университета, с 1850 г. библиотекарь университета. В 1855 г. при перемещении в Санкт-Петербургский университет Разряда восточной словесности, оставлен внештатным профессором, оставшись и в должности библиотекаря и цензора восточных книг. В 1855 г. принял русское подданство. В 1857-1884 гг. начальник университетской типографии. В 1859-1862 гг. временный преподаватель английского языка. В 1860-1875 гг. Казанский отдельный цензор. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1870). В 1895 г. избран почетным членом Казанского университета. В 1897 г. уволен по болезни от службы. Завещал Казанскому университету свою библиотеку и собрание рукописей.

9. Калинин Николай Филиппович (1888-1959) – археолог, музейный работник, педагог, кандидат исторических наук (1947). Заслуженный деятель науки ТАССР (1944). Окон-

чил историко-филологический факультет Казанского университета (1910), преподавал в учебных заведениях Царевококшайска, Симбирска, Тетюшей, Мариуполя, Казани. В 1924-1944 гг. заведовал историко-археологическим отделом Центрального (государственного) музея ТАССР, в 1944-1959 гг. работал в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, одновременно в 1941-1957 гг. преподавал в Казанском государственном университете. Круг научных интересов – археология, история и культура Волжской Болгарии и Казани; вопросы этногенеза народов Поволжья. В 1938 г. участвовал в экспедиции А. П. Смирнова в Болгаре. В 1945-1952 гг. руководил археологической экспедицией КФАН СССР, обследовавшей 447 памятников от эпохи палеолита до позднего средневековья. Выделил приказанскую культуру (совместно с А. Х. Халиковым). С 1923 г. одним из первых проводил археологические исследования в Казани. Основной труд: 2-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1955. О нем см.: *Гимади Х. Г. Н. Ф. Калинин [Некролог]* // Советская археология. – 1960. – № 2; *Ситдиков А. Г., Старостин П. Н.* Николай Филиппович Калинин (1888-1959). – Казань: Изд-во КГУ, 2002.

10. Юсупов Гарун Валеевич (1914-1968) – тюрколог, этнограф, эпиграфист, кандидат филологических наук (1952). Окончил географический факультет Казанского университета (1941). Участник Великой Отечественной войны. В 1946-1949 гг. заведующий этнографическим музеем Казанского университета. С 1952 г. в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. С 1958 г. в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР. Основные труды по болгарской и татарской эпиграфике: Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. О нем см.: *Мухаметшин Д. Г. Г. В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики* // Поволжская археология. – 2014. – № 4. – С. 154-177.

11. Арбузов Александр Ермингельдович (1877-1968) – академик, создатель Казанской химической школы фосфороргаников. Окончил Казанский университет (1900). С 1901 г. – ассистент, а с 1906 г. – профессор института сельского хозяйства и лесоводства в городе Ново-Александрия (Польша). С 1911 г. – профессор Казанского университета. В разные годы был деканом физико-математического факультета Казанского университета, заведующим кафедрой органической химии Казанского химико-технологического института, возглавлял созданные по его инициативе научно-исследовательский химический институт им. А. М. Бутлерова Казанского университета (1929), Казанский филиал АН СССР (1945). По его инициативе в Казани был создан институт органической и физической химии АН СССР (1965), ныне носящий его имя.

12. Смирнов Алексей Петрович (1899-1974) – советский историк и археолог, специалист в области финно-угорской и болгарской археологии. Доктор исторических наук (1944), профессор Московского государственного университета (1951). Заместитель директора Государственного исторического музея и Института археологии Академии наук СССР. Окончил реальное училище в 1916 г., после чего был призван в армию. В 1924-1937 гг. руководил работами археологических экспедиций в Московской и Ивановской областях, Краснодарском крае (Фанагория), в Коми и Удмуртии (городища Иднакар, Сабанчикар, Дондыкар, Кушманское, могильники Бигер-Шай, Вужшай, Чемшай). С 1933 г. руководитель Суварской археологической экспедиции. С 1938 г. он возглавлял полевые работы в городе Болгар, ставшие основой для известных работ по Волжской Булгарии и Улуса Джучи, с 1957 г. она разрослась до Поволжской археологической экспедиции, которая начала регулярные исследования нижневолжских золотоордынских городов (с 1959 г.).

13. *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваша. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1902. – 123 с.

14. Подчеркнуто от руки в тексте письма.

15. Переписка института с профессором Гамбургского университета Б. Шпулером и доцентом О. Притсак по вопросу Булгарских надписей (см.: Научный фонд Музея археологии РТ Института археологии АН РТ, ф. 5, оп. 24, д. 125, № 633, л. 6.)
16. Подробнее см.: *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // Татары. Серия «Народы и культуры» / Под ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. – М.: Наука, 2001. – С. 41-100.
17. *Калинин Н. Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. – Казань: Татгосиздат, 1948. – С. 104.
18. Там же.
19. *Залая Л.* К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка) // Происхождение казанских татар. – Казань: Татгосиздат, 1948. – С. 81-89.
20. *Измайлов И. Л.* «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1996. – № 3/4. – С. 102.
21. Там же. – С. 96-101.
22. *Мухаметшин Д. Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – С. 5-44.
23. *Юсупов Г. В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 332 с.
24. *Хакимзянов Ф. С.* Язык эпитафий волжских булгар. – М.: Наука, 1978; он же. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. – М.: Наука, 1987.
25. *Pritsak O.* Die Bulgarische Furstenliste und die sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1955. – 105 s.

**№ 1. Письмо Института языка, литературы и истории
КФ АН СССР профессору Б. Шпулеру и доценту О. Прицаку**

1955 г.
Казань

Многоуважаемые господа, институт [языка, литературы и истории КФАН]¹ получил ваше письмо от 9 августа, адресованное работавшему у нас аспиранту Г. В. Юсупову.

Так как Г. В. Юсупов в настоящее время у нас не работает, а круг вопросов, вами запрашиваемых, относится к тематике нашего института, то мы на них отвечаем.

1. Институт имеет в своем плане издание булгарских и казанско-татарских надписей XIII-XVII вв., составляющих единую линию развития. В текущем году будет издан первый том этого издания, которое может быть названо *Corpus Inscriptionum Bulgarcorum et Tartaricorum*. В этот том войдет около 100 №№ эпиграфических материалов XIII-XIV вв., уже подготовленных, собранных и прочтенных нашей комиссией.

2. Работы Г. В. Юсупова, напечатанные в «Эпиграфике Востока» являются частью его работы, составившей кандидатскую диссертацию. [Автореферат ее – посылаем].

3. Сведения о работе эпиграфической комиссии КФАН можно найти в сборнике «Происхождение казанских татар», 1948 в статье Н. Ф. Калинина (председателя названной комиссии). Здесь изданы шесть надписей и впервые проведена классификация надписей, деление их на два стиля, в основе которых лежат диалектологические особенности булгарского языка.

4. Булгарский язык мы считаем одним, поэтому не понимаем выражение вашего письма: «второй булгарский язык». Булгарский язык проявляется в эпиграфике

одновременно в двух диалектах и, обычно, в двух стилях, но он единый и является основой современного казанско-татарского языка, в котором, тоже имеются диалекты.

5. Копию каталога, составленного доктором Притсаком, просим прислать по нашему адресу. Мы с удовольствием просмотрим его и сделаем возможные указания.

6. Посылаем вам [следующие издания]:² сборник:

– «Происхождение казанских татар». Казань, 1948.

– Автореферат Г. В. Юсупова. Уфа.

– Автореферат Л. З. Залялетдинова.

– История Татарской АССР, т. I, на правах рукописи.

7. Мы запросим [у] проф[ессора] А. П. Смирнова ответ на 1-ый ваш вопрос. Он обещал выслать ответ в начале сентября месяца.

8. О копиях П. А. Пономарева можем сообщить, что они не были изданы. Миропольский³.

Директор ИЯЛИ Мухарлямов.

Ст[арший] н[аучный] сотр[удник] Н. Калинин.

Ст[арший] н[аучный] сотр[удник] Л. Заляй.

Научный фонд музея археологии РТ
Института археологии АН РТ, ф. 5, оп. 24, д. 125, № 633, л. 14-15.

№ 2. Письмо заместителя председателя Президиума Казанского филиала АН СССР профессора Л. М. Миропольского начальнику Иностранного отдела АН СССР С. Г. Корнееву

14 сентября 1955 г.

В Казанский филиал АН СССР в адрес бывшего нашего аспиранта Г. В. Юсупова (ныне работающего в Институте языка, литературы и истории Башкирского филиала АН СССР) обратился с письмом гамбургский профессор Б. Шпулер. В его письме подняты некоторые вопросы о болгарских надписях XIII-XIV вв.

При сем препровождаем на Ваше усмотрение ответ Института языка, литературы и истории нашего филиала на письмо проф[ессора] Б. Шпулера, книгу «Происхождение казанских татар» для пересылки профессору Шпулеру и копию его письма.

Заместитель председателя Президиума Казанского филиала АН СССР профессор (Л. М. Миропольский).

Научный фонд музея археологии РТ
Института археологии АН РТ, ф. 5, оп. 24, д. 125, № 633, л. 2.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дописано от руки.

2. Зачеркнуто.

3. Подписано позднее от руки, другим почерком.

Список литературы

Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1902. – 123 с.

Заляй Л. К. вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка) // Происхождение казанских татар. – Казань: Татгосиздат, 1948. – С. 81-89.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // Татары. Серия «Народы и культуры» / Под ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. – М.: Наука, 2001. – С. 41-100.

Калинин Н. Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. – Казань: Татгосиздат, 1948. – С. 90-107.

Мухаметшин Д. Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 132 с.

Мухаметшин Д. Г. Г. В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики // Поволжская археология. – 2014. – № 4. – С. 154-177.

Ситдииков А. Г., Старостин П. Н. Николай Филиппович Калинин (1888-1959). – Казань: Изд-во КГУ, 2002. – 24 с.

Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // Известия археологического общества. – 1863. – Т. IV. – С. 396-404.

Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. – М.: Наука, 1978. – 208 с.

Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. – М.: Наука, 1987. – 192 с.

Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 332 с.

Gombocz L. Die bulgarish-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. – 1912. – XXX. – 251 s.

Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. – XXIX. – 609 s.; Bd. II. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. – XXV. – 376 s. – Berlin, 1958.

Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren (Ural-Altaische Bibliothek 1). – Wiesbaden, 1955. – 102 s.

References

Ashmarin N. I. *Bolgary i chuvashi* [Bulgarians and Chuvashes]. Kazan, 1902, 123 p.

Gombocz L. Die bulgarish-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 1912, XXX, 251 s.

Iskhakov D. M., Izmaylov I. L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar v VI – pervoy chetverti XV veka* [Ethnopolitical history of Tatars in the 6th – first quarter of the 15th century]. IN: *Tatary. Seriya "Narody i kul'tury"*. Pod red. R. K. Urazmanova, S. V. Cheshko [Urazmanov R. K., Cheshko S. V. (eds.) Tatars. Series "Peoples and Cultures"]. Moscow, 2001, pp. 41-100.

Kalinin N. F. *K voprosu o proiskhozhdenii kazanskikh tatar* [Revisiting the origin of Kazan Tatars]. IN: *Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar* [Origin of Kazan Tatars]. Kazan, 1948, pp. 90-107.

Khakimzyanov F. S. *Epigraficheskiye pamyatniki Volzhskoy Bulgarii i ih yazyk* [Epigraphic monuments of Volga Bulgaria and their language]. Moscow, 1987, 192 p.

Khakimzyanov F. S. *Yazyk epitafiy volzhskikh bulgar* [The language of epitaphs of the Volga Bulgars]. Moscow, 1978, 208 p.

Mukhametshin D. G. *Tatarskiye epigraficheskiye pamyatniki. Regionalnye osobennosti i etnokulturnyye varianty* [Tatar epigraphic monuments. Regional features and ethno-cultural options]. Kazan, 2008, 132 p.

Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. XXIX, 609 s.; Bd. II. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. XXV, 376 s. Berlin, 1958.

Pritsak O. Die bulgarische Furstenliste und die Sprache der Protobulgaren (Ural-Altäische Bibliothek. (Ural-Altäische Bibliothek 1). Wiesbaden, 1955, 102 s.

Sitdikov A. G., Starostin P. N. *Nikolay Filippovich Kalinin (1888-1959)* [Nikolay Filippovich Kalinin (1888-1959)]. Kazan: Izd-vo KGU publ., 2002, 24 p.

Yusupov G. V. *Vvedeniye v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku* [Introduction to the Bulgar-Tatar epigraphies]. Moscow, Leningrad, 1960, 332 p.

Zalyay L. *K voprosu o proiskhozhdenii tatar Povolzhya (po materialam yazyka)* [Revisiting the origin of the Volga Tatars (a case study of the language)]. IN: *Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar* [The origin of Kazan Tatars]. Kazan, 1948, pp. 81-89.

Фото предоставлены авторами статьи.

Submitted by the authors of the article.

Сведения об авторах

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник информационно-редакционного отдела Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, e-mail: xalimabd@mail.ru.

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, заведующий отделом Средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, e-mail: ismail@inbox.ru.

About the authors

Khalim M. Abdullin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at Editorial Department of A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: xalimabd@mail.ru.

Iskander L. Izmaylov, Doctor of Historical Sciences, Head of Medieval Archeology Department, A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: ismail@inbox.ru.

В редакцию статья поступила 26.09.2019, опубликована:

Абдуллин Х.М., Измайлов И.А. Письмо Б. Шпулера и О. Прицака к казанским историкам-тюркологам по проблемам языка эпиграфических памятников Поволжья XIII-XIV вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2019. – № 4. – С. 127-143.

Submitted on 26.09.2019, published:

Abdullin Kh. M., Izmaylov I. L. *Pismo B. Shpulera i O. Pritsaka k kazanskim istorikam-tyurkologam po problemam yazyka epigraficheskikh pamyatnikov Povolzhya XIII-XIV vv.* [A letter of B. Spuler and O. Pritsak to Kazan Turkologist historians on problems of the language of the Volga region epigraphic monuments of the 13th – 14th centuries]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2019, no. 4, pp. 127-143.